ФЛАННЕРИ О'КОННОР
КРУГ В ОГНЕ

Перевод с английского Леонида Мотылёва

альпина
ПРОЗА

Москва, 2026

УДК 821.111-31
ББК 84(7Сое)-44
О-11

Переводчик Леонид Мотылёв
Редактор Любовь Сумм

О'Коннор Ф.

О-11 Круг в огне : [рассказы] / Фланнери О'Коннор ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2026. — 414 с.

ISBN 978-5-00223-691-6

Проза выдающейся американской писательницы Фланнери О'Коннор следует традиции американского Юга — ей свойственна приверженность готике и гротеску, напряжение расового противостояния и нравственных проблем, острое ощущение трагичности бытия. И хотя в тональности ее прозы может видеться безысходность, благодать, по мысли писательницы-католички, способна преобразить даже того, кто ее не замечает. Ее тексты действуют не только на уровне чтения-понимания — но в глубине сердца, терапевтически.

В книгу вошли избранные рассказы в переводах Леонида Мотылёва, большая часть из которых публикуется впервые.

УДК 821.111-31
ББК 84(7Сое)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

A Temple of the Holy Ghost © Flannery O'Connor, 1954 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1982
A Circle in the Fire © Flannery O'Connor, 1954 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1982
The Artificial Nigger © Flannery O'Connor, 1955 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1983
The Displaced Person © Flannery O'Connor, 1954 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1982
A Stroke of Good Fortune © Flannery O'Connor, 1949 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1977
The Comforts of Home © Flannery O'Connor, 1960 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1988
A Good Man Is Hard to Find © Flannery O'Connor, 1953 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1981
Good Country People © Flannery O'Connor, 1955 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1983
The Enduring Chill © Flannery O'Connor, 1958 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1986
A View of the Woods © Flannery O'Connor, 1957 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1985
Judgement Day © The Estate of Flannery O'Connor, 1965 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1993
The Lame Shall Enter First © Flannery O'Connor, 1962 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1990
Parker's Back © The Estate of Flannery O'Connor, 1965 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1993
Revelation © Flannery O'Connor, 1964 © Renewed by Regina Cline O'Connor, 1992
© Л. Мотылёв, перевод
© Художественное оформление, макет. ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

ISBN 978-5-00223-691-6

Содержание

От переводчика 7

Храм Святого Духа 9

Круг в огне 27

Искусственный негр 53

Перемещенное лицо 81

Счастье 135

Домашний уют 151

Хорошего человека редко встретишь 179

Добротные сельские жители 199

Непреходящий озноб 227

Лесная картина 261

Конец света 289

Хромые — первыми! 313

Спина Паркера 361

Откровение 387

От переводчика

Этот сборник переведенных мной рассказов Фланнери О'Коннор складывался постепенно. В него вошли почти все ее рассказы, которые лично мне представляются лучшими. Четыре из четырнадцати уже публиковались в моем переводе («Храм Святого Духа», «Счастье», «Лесная картина», «Спина Паркера»), десять издавались в версиях других переводчиков, в их числе — восемь из одиннадцати, вошедших в сборник 1974 года, который открыл русскоязычному читателю этого автора. Над рассказами из того сборника трудились далеко не худшие переводчики советской школы (М. Беккер, С. Белокриницкая, А. Кистяковский, М. Литвинова, М. Зинде, Л. Беспалова, В. Муравьев, И. Архангельская, Ю. Жукова, М. Кан, И. Бернштейн), редактировали его Е. Калашникова и М. Лорие. Это обязывает меня объяснить хотя бы кратко свое решение сделать новые переводы.

Проза Фланнери О'Коннор (1925–1964) — проза глубоко верующего человека, католички, жившей в протестантском окружении на Юге США. «Я пишу так, как пишу, благодаря (а не вопреки) тому, что я католичка <…> — писала она в письме. — Вместе с тем я католичка, на диковинный лад обладающая современным сознанием. <…> Обладать им, пребывая в лоне Церкви, — <…> значит ощущать нынешнюю ситуацию на предельном уровне». Главные стилистические приемы, которые она использует, чтобы поделиться своим восприятием современности, пробиться к читателю с иным, выхолощенным (как она считала) мировоззрением, к читателю, зачастую полагающему, что «Бог умер», — это, во-первых, парадоксальность, соединение смешного,

возвышенного и страшного (гротеск) и, во-вторых, символическая двуплановость текста, изобилующего явными и неявными перекличками с Ветхим и Новым Заветом, но в то же время текста бытового, приземленного. С этой бытовой приземленностью переводчики советского времени в целом справились очень хорошо, а вот с перекличками — далеко не всегда. Я заметил, что существующие переводы нередко дают сбои в ключевых местах, где двуплановость прозы О'Коннор, ее связь со Священным Писанием, с богословием даже, проявляется с особой силой. Размывается, а то и совсем теряется главное, с чем она обращалась к читателю.

И, кроме того, я во многих случаях просто немного иначе слышу прозу О'Коннор и немного иначе вижу картины, которые она рисует.

Хотя она была против излишне рьяных попыток истолковывать ее произведения, я, не претендуя на сколько-нибудь полное истолкование, даю в некоторых местах сноски, поясняющие связь этих мест с образами и идеями из Ветхого и Нового Завета. Русскоязычный читатель, как мне думается, несколько хуже улавливает такие переклички, чем англоязычный читатель О'Коннор.

Леонид Мотылёв

Храм Святого Духа

Весь уик-энд две девочки называли друг друга Храм Номер Один и Храм Номер Два, покатывались со смеху и делались такие красные и потные, что противно смотреть, — особенно Джоанна, у которой и без того лицо было в прыщах. Они приехали в коричневых монастырских форменных платьях, какие носят воспитанницы в Маунт-Сент-Схоластика, но первым делом, едва открыв чемоданчики, сняли платья и надели красные юбки и яркие блузки. Губы накрасили помадой, обулись в выходные туфли на каблуке и начали расхаживать туда-сюда по всему дому, всякий раз приостанавливаясь перед длинным зеркалом в холле полюбоваться на свои ноги. Дочурка примечала все, что они делали. Если бы из двоих приехала одна, эта одна с ней бы играла, но они приехали обе, так что дочурка, оказавшись не у дел, подозрительно разглядывала их издали.

Им было по четырнадцати лет, на два года больше, чем ей, но умом ни та ни другая не блистала, потому-то их и отдали в монастырскую школу. Если бы они ходили в обычную, у них только и было бы в голове что мальчики,

а в монастыре, сказала ее мама, сестры держат их в строгости. Понаблюдав за ними несколько часов, дочурка сделала вывод, что они набитые дуры, и ей приятно было думать, что она им всего-навсего троюродная сестра и вряд ли могла унаследовать ту же самую тупость. Сьюзен называла себя Сюза́н. Она была тощая-претощая, но с миловидным остреньким личиком, волосы рыжие. У Джоанны волосы были соломенного цвета и вились сами собой, но говорила она в нос и, когда смеялась, багровела пятнами. За все время они не сказали ни одного умного слова, все их фразы начинались примерно так: «А знаешь, парень-то этот…» или «А знаешь, что́ он однажды…»

Они приехали на весь уик-энд, и ее мама сказала, что не знает, как их развлекать, потому что у нее нет на примете мальчиков их возраста. Услышав это, дочурка, которую вдруг осенило, закричала: «Чит! Пускай Чит приедет! Попроси мисс Керби его позвать, он им покажет окрестности!» И она поперхнулась куском. Смех согнул ее пополам, и она хватила по столу кулаком, глядя на ошеломленных девочек, а у самой тем временем по пухлым щекам текли слезы и в открытом рту блестели сталью пластинки для исправления зубов. Смешней ей никогда ничего не приходило в голову.

Ее мать тоже засмеялась, но сдержанно, а мисс Керби покраснела и изысканно поднесла ко рту вилку с одной-единственной горошиной. Эта длиннолицая светловолосая учительница жила у них на пансионе, а мистер Читем был ее воздыхатель — богатый старый фермер, приезжавший каждую субботу на светло-голубом «понтиаке» пятнадцатилетнего возраста, припорошенном красной глиняной пылью. Внутри машины было черным-черно от негров, которых он в субботу отвозил в город, беря с каждого по десять центов. Высадив их, он шел к мисс Керби, причем всякий раз с приношением — то с пакетиком вареного арахиса, то с арбузом, то с палочкой сахарного тростника, а однажды

привез большую коробку со сладкими батончиками «бэби Рут». Он был лысый, если не считать узкой волосяной каемки ржавого оттенка, а краснотой лица походил на грунтовые местные дороги — и такие же, как на них, колеи и колдобины. На нем всегда была салатовая рубашка в тонкую черную полоску и синие подтяжки. Брюки резали пополам его вываливающийся живот, который он время от времени нежно поглаживал широким и плоским большим пальцем. Все зубы у него были с золотом, и он, поглядывая на мисс Керби, игриво вращал глазами и приговаривал: «Хо-хо». Он сидел при этом на качелях у них на веранде, широко расставив ноги в высоких ботинках, чьи носы на полу торчали в разные стороны.

— Я не думаю, что Чит в этот уик-энд будет в городе, — сказала мисс Керби, совершенно не понимая, что это была шутка, и дочурка, снова забившись в конвульсиях, так откинулась на спинку стула, что полетела на пол и лежала там, досмеивалась. Мать сказала, что, если это безобразие не прекратится, она отправит ее вон из-за стола.

Накануне мать сговорилась с Алонсо Майерсом, что он отвезет их за сорок пять миль в Мэйвилл, где находится монастырь, чтобы забрать девочек на уик-энд. Вечером в воскресенье он должен был доставить их обратно. Ему было восемнадцать лет, но он весил двести пятьдесят фунтов, работал в таксомоторной компании, и если надо было куда-нибудь ехать, то без него никак. Он курил или, точней, жевал короткую черную сигару, и сквозь вырез желтой нейлоновой рубашки видна была его выпуклая потная грудь. На время езды все окна в машине пришлось открыть.

— Тогда Алонсо! — завопила дочурка с пола. — Пусть Алонсо им все покажет! Отлично!

Девочки, которые видели Алонсо, громко запротестовали.

Мать подумала, что это тоже смешно, но, сказав ей: «Хватит, сколько можно», переменила тему. Она спросила, почему

они называют друг друга Храм Номер Один и Храм Номер Два, и нагнала на них этим вопросом целую бурю хихиканья. Наконец они, кое-как справившись с собой, объяснили. Сестра Перпетуа, старшая из мэйвиллских сестер милосердия, прочла им наставление о том, что делать, если молодой человек — тут их разобрал такой смех, что невозможно было продолжать, пришлось начать сызнова, — что делать, если молодой человек — тут их головы бессильно упали на колени, — что делать, если — и вот они смогли наконец это проорать — если он станет «вести себя с ними неподобающим образом на заднем сиденье автомобиля». Сестра Перпетуа сказала, что они должны тогда призвать его к порядку словами: «Прекратите немедленно! Я — Храм Святого Духа!» Дочурка с отрешенным видом села на полу прямо. В этом она как раз ничего смешного не находила. Что действительно было смешно — это идея дать им в кавалеры мистера Читема или Алонсо Майерса. Животики надорвешь.

Мать, слушая их, тоже не смеялась.

— Что ж вы, девочки, такие глупенькие, — сказала она. — Если подумать, ведь и правда каждая из вас — Храм Святого Духа*.

Обе подняли на нее глаза и вежливо подавили хихиканье, но лица сделались изумленные, как будто они вдруг поняли, что она такая же, как сестра Перпетуа.

Выражение лица мисс Керби было неизменно, и дочурка подумала — да, это, конечно, выше ее понимания. Я — Храм Святого Духа, сказала она себе, и ей понравилось. Ощущение, словно тебе сделали подарок.

После обеда мать рухнула на кровать и сказала:

— Эти девочки — просто ужас. Если я им не придумаю никакого развлечения, они с ума меня сведут.

* Отсылка к Новому Завету: «Не знаете ли, что тела́ ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» (1Кор. 6: 19). (*Здесь и далее примечания переводчика. Здесь и далее цитаты из Библии даются в Синодальном переводе.*)

— А я знаю, кого можно позвать, — заявила дочурка.

— Так, послушай меня. Про мистера Читема ты уже сказала, и хватит. Ты смущаешь мисс Керби. Он же ее единственный друг. Боже ты мой, — мать села на кровати и печально посмотрела в окно, — бедняжка от одиночества соглашается даже ездить в этой машине, где пахнет, как в последнем круге ада.

Но она тоже Храм Святого Духа, мелькнуло у дочурки в голове.

— Нет, я не про него подумала, — сказала она. — Помнишь Уэнделла и Кори Уилкинсов, которые гостят у старушки Бучелл? Это ее внуки. Они работают у нее на ферме.

— Вот это другое дело, — проговорила мать и уважительно посмотрела на нее. Но потом опять сникла. — Нет, они же деревенские. Девочки перед ними носы задерут.

— Не задерут, — сказала дочурка. — Они же брюки носят. Им по шестнадцати лет, у них машина. Кстати, я слыхала, что оба хотят стать пасторами Церкви Бога*. Там ведь можно и ни бельмеса не знать.

— Что ж, с этими ребятами они по крайней мере будут в безопасности, — сказала мать и, встав, позвонила их бабушке. После получасового разговора они условились, что Уэнделл и Кори приедут к ужину, а потом повезут девочек на ярмарку.

Сьюзен и Джоанна пришли в такой восторг, что тут же вымыли головы и накрутили волосы на алюминиевые бигуди. Ха, подумала дочурка, сидевшая на кровати по-турецки и смотревшая, как они снимают бигуди. Поглядим, как вы переварите хорошую порцию Уэнделла и Кори!

— Вам они понравятся, — сказала она. — Уэнделл — рост шесть футов, волосы рыжие. Кори — шесть футов

* Церковь Бога — христианское пятидесятническое религиозное объединение с центром в Кливленде, штат Теннесси.

шесть дюймов, волосы черные, носит спортивный пиджак, и у них машина с беличьим хвостом на антенне.

— С какой стати такая кроха столько всего знает про взрослых парней? — спросила Сьюзен и приблизила лицо к зеркалу вплотную, чтобы увидеть, как расплываются зрачки.

Дочурка легла на кровать лицом вверх и стала считать узкие потолочные доски, пока не перенеслась в другое место. Я хорошо их знаю, сказала она кому-то. Мы вместе сражались на мировой войне. Они служили у меня под началом, и я пять раз спасала их от японских летчиков-самоубийц, и Уэнделл сказал — я женюсь на этой девчонке, а другой ему — дудки, не ты, а я, а я говорю — ни тот ни другой, потому что вы оба сейчас пойдете у меня под трибунал.

— Я их видела, только и всего, — сказала она.

Когда они приехали, девочки секунду-другую на них таращились, а потом начали хихикать и говорить между собой про монастырь. Девочки сидели рядышком на качелях, а Уэнделл и Кори — на перилах веранды. Парни сидели по-обезьяньи — колени на уровне плеч, руки свисают между колен. Оба были малорослые и худые, с красными лицами, высокими скулами и бледными глазками-семечками. Они принесли губную гармонику и гитару. Один негромко затянул что-то на гармонике, рассматривая девочек поверх нее, другой принялся бренчать на гитаре, а потом запел, не глядя на них, с запрокинутой головой, как будто ему интересно было только слушать себя самого. Он пел деревенскую, которая звучала у него наполовину как любовная, наполовину как гимн.

Дочурка стояла на бочке в кустах сбоку от дома, лицо на одном уровне с полом веранды. Солнце садилось, и небо в лад сладко-печальной музыке окрашивалось в цвет синяка. Уэнделл, продолжая петь, заулыбался и начал посматривать на девочек. Он уставился на Сьюзен собачьим любящим взором и затянул:

Я друга нашел в Иисусе,
Он — жизнь и начало начал,
Он — лилия долины,
Свободу Он мне даровал!

Потом обратил тот же взгляд на Джоанну и запел:

Стеной окружен огневою,
Я страха не ведаю с Ним,
Он — лилия долины,
Я вечно Им буду храним!

Девочки переглянулись, и каждая, чтобы не захихикать, прикусила нижнюю губу, но Сьюзен все-таки прыснула и прихлопнула рот ладонью. Певец помрачнел и несколько секунд только тренькал струнами. Потом затянул «Старый крест на холме»*, и они вежливо выслушали, но, когда он кончил, сказали: «Теперь наша очередь!» — и прежде, чем он успел начать новую, запели натренированными монастырскими голосами:

Tantum ergo Sacramentum
Veneremur cernui,
Et antiquum documentum
*Novo cedat ritui***.

Дочурка увидела, как серьезные лица парней повернулись друг к другу и выражение их стало нахмуренно-обескураженным, как будто парни не знали точно, смеются над ними или нет.

* «The Old Rugged Cross» — христианский гимн, сочиненный в 1912 г. американским методистским пастором Джорджем Беннардом (1873–1958).

** Девочки поют по-латыни католический гимн, связанный с обрядом адорации (поклонения Святым Дарам), в конце которого священник благословляет паству дароносицей. Текст гимна написан Фомой Аквинским (1225–1274).

Præstet fides supplementum
Sensuum defectui.
Genitori, Genitoque
Laus et jubilatio,
Salus, honor, virtus quoque…

В серо-фиолетовых сумерках лица парней стали темно-багровыми. Вид у обоих был злой и удивленный.

Sit et benedictio;
Procedenti ab utroque
Compar sit laudatio.
Amen.

Девочки вывели «Аминь», и сделалось тихо.

— Еврейские, что ли, песенки, — сказал Уэнделл и стал настраивать гитару.

Девочки глупо захихикали, но тут дочурка топнула ногой по бочке.

— Дурной ты бычина! — заорала она. — Дурной бычина из Церкви Бога!

Вопя, она свалилась с бочки; они попрыгали с перил посмотреть, кто кричал, а она, мигом поднявшись, метнулась от них за угол дома.

Мать устроила ужин на заднем дворе, где над столом, как всегда у них в таких случаях, горели японские фонарики.

— Я с ними за стол не сяду, — сказала дочурка, схватила со стола свою тарелку и унеслась с нею на кухню, где поужинала в обществе тощей чернокожей кухарки с синими деснами.

— Ну что ж ты гадкая такая бываешь, — посетовала кухарка.

— Я не виновата, что они идиоты, — отозвалась дочурка.

Фонарики оранжево подсвечивали листву на своем уровне, выше она была черно-зеленая, а ниже перемежались разные цвета, неяркие, приглушенные, делавшие девочек

за столом миловиднее, чем они были. Время от времени дочурка поворачивала голову и смотрела в кухонное окно на то, что происходило внизу.

— Бог может взять и сделать тебя слепоглухонемой, — сказала кухарка. — Тогда небось не будешь уже такая умненькая.

— Все равно буду умней, чем некоторые, — отозвалась дочурка.

После ужина они отправились на ярмарку. Она тоже туда хотела, но не с ними — позвали бы даже, все равно бы не поехала. Она поднялась наверх и стала ходить по длинной спальне, сцепив руки за спиной и наклоня голову вперед, лицо яростное и в то же время мечтательное. Электричество не включала, позволяя темноте сгуститься и сделать комнату более маленькой и укромной. Через равные промежутки времени открытое окно пересекал сноп света, кладя на стену тени. Она остановилась и стала смотреть наружу поверх темных откосов, поверх отсвечивающего серебром пруда, поверх стены леса на крапчатое небо, где поворачивался, двигаясь вверх, и вокруг, и вдаль, точно шаря в воздухе в поисках потерянного солнца, длинный световой палец. Это был луч ярмарочного маяка.

Ей слышны были дальние звуки каллиопы*, и внутренним зрением она видела все шатры в сиянии золотой пыли, видела бриллиантовое кольцо колеса обозрения с его бесконечным движением по воздушному кругу, видела скрипучую карусель с ее бесконечным движением по кругу наземному. Ярмарка длилась пять или шесть дней, в один из которых после полудня специально приглашались школьники, в другой, вечером, — негры. В прошлом году она была там в школьное время и повидала обезьянок и толстяка, покаталась на колесе обозрения. Некоторые

* Каллиопа — клавишный музыкальный инструмент, род парового органа.

шатры были закрыты, потому что там показывали такое, что полагалось знать только взрослым, но она с интересом разглядывала рекламу на этих шатрах — блеклые холсты с людьми в трико, смотревшими жестко-напряженно-спокойно, как мученики, которым римский солдат вот-вот отрежет языки. Она вообразила, что происходящее внутри имеет отношение к медицине, и решила, что, когда вырастет, будет врачом.

С тех пор она передумала и собиралась выучиться на инженера, но теперь, глядя в окно на вращающийся луч, который укорачивался, удлинялся, чертил по небу световую дугу, она почувствовала, что должна стать чем-то куда большим, чем врач или инженер. Она должна стать святой, потому что сюда входит все, что только может быть; и в то же время она понимала, что святости ей не видать. Она, конечно, не воровка и не убийца, но прирожденная врушка и лентяйка, огрызается на мать и нарочно грубит всем подряд. Ее к тому же гложет грех гордыни, худший из всех. Она высмеивала баптистского пастора, который пришел к ним в школу на выпускной акт. Она опускала углы рта и хваталась за лоб, изображая сокрушение, и печально произносила нараспев — в точности как он: «Благодари-им Тебя-а, Оте-ец наш небе-есный». А ведь ей много раз было говорено, что не надо ничего такого делать. Нет, святой из нее не получится, но мученицей она, может быть, и смогла бы стать, если бы ее не слишком долго убивали.

Ей по силам был бы расстрел, но не кипящее масло. Было бы ей по силам или нет, если бы ее отдали на растерзание львам, она не знала. Она принялась репетировать мученичество, представляя себя в трико на громадной арене, озаренной висящими в огненных клетях первохристианами, свет от которых падал на нее и на львов пыльными всполохами. Первый лев кинулся было — и упал к ее ногам, обращенный. Стали пускать льва за львом — и каждый раз та же

картина. Львы так ее полюбили, что она с ними даже спала, и наконец римляне решили ее сжечь, но, к их изумлению, она не горела, и, увидев, как трудно ее убить, они в конце концов быстренько отрубили ей голову мечом, и она отправилась прямиком на небо. Она прокрутила это несколько раз, возвращаясь от вступления в Рай ко львам.

Наконец она отошла от окна, приготовилась ко сну и легла, не помолившись. В комнате стояли две массивные двуспальные кровати. Вторую отвели девочкам, и она попыталась придумать что-нибудь холодное и склизкое, что можно было бы им подложить, но безрезультатно. Ничего подходящего вроде цыплячьей тушки или куска говяжьей печенки у нее не было. Долетавшие через окно звуки каллиопы не давали ей уснуть, и, вспомнив, что не помолилась, она встала, опустилась на колени и начала. Сразу взяв быстрый темп, проскочила Символ Веры и повисла подбородком на краю кровати, пустая, как барабан. Ее молитвы, когда она не забывала их произнести, были чаще всего формальностью, но иногда, совершив дурной поступок, или услышав музыку, или потеряв что-то, — а то и вовсе без причины — она доходила до яростного накала и представляла себе Христа на долгом пути к Голгофе, трижды изнемогшего под тяжестью грубого креста. На какое-то время она сосредоточивалась на этом, потом сознание ее пустело, а когда что-то ее пробуждало, оказывалось, что она думала о совсем постороннем — о какой-нибудь собаке, или девочке, или о чем-нибудь, что она собиралась сделать в будущем. Сегодня, подумав про Уэнделла и Кори, она преисполнилась благодарности и, чуть не плача от восторга, произнесла:

— Боже, Боже, спасибо Тебе за то, что я не в Церкви Бога, спасибо Тебе, Боже, спасибо!

И, улегшись обратно в кровать, повторяла и повторяла это, пока не заснула.

Девочки пришли без четверти двенадцать и разбудили ее хихиканьем. Включив маленькую лампу под синим

абажуром, стали раздеваться, и тощие их тени взбирались по стене, переламывались и мягко-подвижно продолжались по потолку. Дочурка села послушать разговоры про ярмарку. У Сьюзен был пластмассовый пистолетик, заряженный дешевыми леденцами, а у Джоанны — картонная кошечка в красный горошек.

— Ну что, видели танцующих обезьянок? — спросила дочурка. — И толстяка, и карликов?

— Да, там полно всяких уродцев, — ответила Джоанна. Потом обратилась к Сьюзен: — Мне все понравилось, кроме сама знаешь чего.

На ее лице появилось странное выражение — такое, словно она откусила от чего-то и не знает, по вкусу ей или нет.

Сьюзен секунду постояла неподвижно, потом крутанула головой и легким кивком показала на дочурку.

— Мала, да любопытна, — сказала она тихо, но дочурка услышала, и сердце застучало быстро-быстро.

Она спрыгнула на пол, подошла к ним и села у них в ногах на кроватную спинку. Они погасили свет и легли, но она не двигалась. Сидела, буравя глазами мрак, пока в нем не проступили их лица.

— Мне меньше лет, чем вам, — сказала она, — но я в миллион раз умней.

— Есть вещи, — сказала Сьюзен, — которых девочки в твоем возрасте еще не понимают.

И обе захихикали.

— Иди в свою кровать, — сказала Джоанна.

Но дочурка не двигалась.

— Один раз, — промолвила она голосом, глухо звучавшим во тьме, — я видела, как у крольчихи родятся крольчата.

Наступила тишина. Потом Сьюзен спросила:

— И как же?

По безразличному тону дочурка поняла, что они у нее на крючке. Она заявила, что не скажет, пока они не скажут

про «сама знаешь что». На самом-то деле она никогда не видела, как родятся крольчата, но она об этом тут же забыла, едва они начали про то, что происходило в шатре.

Там было человеческое существо, которое как-то звали, но они не могли вспомнить как. Шатер, где его показывали, был разделен надвое черным занавесом — на одной стороне мужчины, на другой женщины. Существо побывало сначала на мужской половине, потом на женской, поговорило и с теми и с другими, но слышно было всем. Помост тянулся вдоль всего шатра. Девочки слышали, как существо сказало мужчинам: «Вы сейчас увидите мое устройство, и, если будете смеяться, Бог и вас может наказать, как меня». Выговор у него был деревенский — медленный и в нос, голос не высокий и не низкий, просто никакой. «Бог меня так сотворил, и, если вы будете смеяться, Он и вас может наказать, как меня. Чтобы у меня было такое устройство, это Он захотел, и я с Его волей не спорю. Я показываюсь, потому что мне надо с этим жить и мириться. Прошу вас вести себя как леди и джентльмены. Бог мне это устроил, я тут ни при чем. Просто мне надо с этим жить и мириться. Я не спорю и не возмущаюсь». На другой половине шатра надолго затихло, потом наконец существо перешло от мужчин к женщинам и повторило те же слова.

Дочурка почувствовала, что все мышцы в ней напряглись до единой, как будто ей говорили отгадку, еще более мудреную, чем сама загадка.

— У него что, две головы? — спросила она.

— Нет, — сказала Сьюзен. — Это непонятно кто — и мужчина и женщина. Оно задрало платье и показало нам. На нем было голубое платье.

Дочурка едва не спросила, как можно быть и мужчиной и женщиной, если у тебя одна голова, но не стала. Ей захотелось лечь обратно к себе и все обдумать, и она начала слезать с их кровати.

— Теперь давай про крольчиху, — сказала Джоанна.

Дочурка приостановилась, и над спинкой показалось только ее лицо, рассеянное и отсутствующее.

— Она их выплюнула изо рта, — сказала она, — всех шестерых.

Лежа в постели, она попыталась представить себе существо, расхаживающее по шатру от края до края, но была для этого слишком сонная. Отчетливей представились ей деревенские лица зрителей — у мужчин еще более торжественные, чем в церкви, у женщин сурово-вежливые, с неподвижными нарисованными глазами, — и все стоят с таким видом, будто ждут звуков пианино перед началом гимна. Ей слышалось, как существо говорит:

— Бог меня так сотворил, и я с Его волей не спорю, — а публика ответствует:

— Аминь. Аминь.

— Бог мне это устроил, и я славлю Его.

— Аминь. Аминь.

— Он и вас мог наказать, как меня.

— Аминь. Аминь.

— Но не наказал.

— Аминь.

— Восстань же, храм Святого Духа. Ты, ты! Ведомо ли тебе, что ты Господень храм? Неведомо? В тебе живет Дух Господень, тебе это ведомо?

— Аминь. Аминь.

— Если кто осквернит храм Господень, Господь сокрушит его, а будете смеяться — Он и вас может наказать, как меня. Свят Господень храм. Аминь. Аминь.

— Я — храм Святого Духа.

— Аминь.

Люди начали ритмично хлопать в ладоши, но совсем негромко, перемежая «аминь» с хлопками, которые становились все тише и тише, как будто люди знали, что рядом засыпает дочурка.

• • •

Назавтра во второй половине дня девочки опять облачились в коричневые монастырские платья, и мать с дочуркой проводили их обратно в Маунт-Сент-Сколастика. «Жуть, ужас! — стонали они. — Снова на родимую каторгу». Их опять вез Алонсо Майерс, дочурка сидела с ним спереди, а мать, сидя сзади посередке, говорила девочкам всякое-разное насчет того, как приятно было провести с ними время, как она хочет, чтобы они приезжали еще, какими хорошими подругами для нее были их матери, когда все они были девочками и учились в монастырской школе. Дочурка к этой болтовне не прислушивалась; придвинувшись к дверце машины вплотную, она высунула голову в окно. Они надеялись, что по случаю воскресенья от Алонсо не будет так пахнуть, — но напрасно. Ветром ей надуло на лицо волосы, и сквозь них она могла смотреть прямо на солнце цвета слоновой кости, обрамленное предвечерней синевой. Когда она их отвела, пришлось скосить глаза.

Маунт-Сент-Сколастика была красным кирпичным зданием в глубине сада в самом центре городка. По одну сторону от монастыря бензозаправка, по другую пожарное депо. Вокруг сада шел высокий черный решетчатый забор, узкие дорожки среди старых деревьев и густо цветущих кустов камелии были вымощены кирпичом. Впустившая их в дом толстая суетливая круглолицая монахиня обняла ее мать и собралась было облапить ее тоже, но она выбросила вперед руку и сделала серьезное хмурое лицо, уставившись мимо туфель монахини на стенную панель. Они даже домашних детей норовили целовать, но эта монахиня энергично потрясла дочуркину ладонь, так что пальцы маленько хрустнули, и сказала — милости прошу в церковь, там как раз начинается благословение. Ступишь к ним на порог — и все, молись давай, думала дочурка, пока они торопливо шли по лакированному полу коридора.

Можно подумать — на поезд надо успеть, продолжала она в таком же гадком ключе, когда они вошли в церковь,

где сестры стояли на коленях по одну сторону, а воспитанницы, все в коричневых форменных платьях, — по другую. Пахло курениями. Церковь была светло-зеленая и золотая, с вереницей арок, которая завершалась аркой над алтарем. Там перед дароносицей, низко склонясь, стоял на коленях священник. За ним виднелся мальчик в белом стихаре, качавший кадило. Дочурка стала на колени между матерью и монахиней, и лишь когда они сильно углубились в «Tantum ergo», гадкие мысли кончились, и она почувствовала приближение к Богу. Помоги мне не быть такой скверной, начала она механически. Сделай так, чтобы я меньше на нее огрызалась. Помоги держать за зубами мой злой язык. Внутри у нее стало спокойно, а потом и пусто, но когда священник поднял дароносицу со светящейся матовым светом гостией, она думала про ярмарочный шатер с этим существом. Существо говорило: «Я с Его волей не спорю. Чтобы у меня было такое устройство, это Он захотел».

Когда выходили из монастыря, толстая монахиня зловредно схватила ее и чуть не задушила в складках черного одеяния, притиснув щекой к распятию на поясе; затем отстранила и уставилась на нее маленькими фиолетово-голубыми глазками.

На обратном пути они с матерью сидели сзади, оставив Алонсо одного. Дочурка насчитала у него над воротником три складки жира и отметила, что уши у него острые — почти свиные. Мать, поддерживая беседу, спросила его, был ли он на ярмарке.

— Был, — сказал он, — все посмотрел, ничего не пропустил, и хорошо, что поторопился: на той неделе уже ничего не будет, хотя говорили, что будет.

— Почему? — спросила мать.

— Запретили, — сказал он. — Из города понаехали какие-то пасторы, посмотрели, нажаловались, и полиция запретила.

Мать не стала продолжать разговор, и круглое лицо дочурки сделалось задумчивым. Она повернула его к окну и стала смотреть на придорожное пастбище, которое поднималось и опускалось, насыщаясь зеленью по мере приближения к темному лесу. Солнце было огромным красным шаром, подобным вознесенной гостии, пропитанной кровью, и когда оно, садясь, скрылось из виду, на небе осталась полоса, похожая на красную глинистую дорогу, висящую поверх деревьев.

Круг в огне

Иногда граница леса была сплошной серо-синей стеной чуть темнее неба, но в этот день она была почти черной, а небо за ней казалось раскаленным добела.

— Слыхали про эту, которая в железном легком* родила? — спросила миссис Причард.

Девочка смотрела на нее и на свою мать сверху вниз в окно второго этажа. Миссис Причард, сложив руки на полке своего живота, прислонилась к дымоходу их дома, одну ногу она завела за другую и уперла носком в землю. Она была крупная женщина с небольшим лицом, острым подбородком и зорким вспарывающим взглядом. Миссис Коуп, напротив, была очень маленькая и опрятная, лицо при этом большое, круглое, а черные глаза, казалось, все время расширялись за стеклами очков, как будто она постоянно из-за чего-то изумлялась. Сидя на корточках, она пропалывала цветник вокруг дома. Шляпы, которыми обе женщины защищали головы от солнца, когда-то были одинаковые, но теперь у миссис Причард она выцвела и потеряла форму,

* Имеется в виду устройство искусственного дыхания для людей с дыхательными нарушениями из-за полиомиелита. Люди могли находиться в таких устройствах не только в больницах, но и дома, и не всем они требовались ежеминутно.

тогда как у миссис Коуп шляпа оставалась крепкой и ярко-зеленой.

— Я про нее читала, — сказала она.

— Она мне свойственница была далекая по мужу, шести- или семиюродная. Тоже Причард, но вышла за Брукинза.

— Ясно, ясно, — пробормотала миссис Коуп и отбросила себе за спину большой пучок сыти. Она боролась с сытью и другими сорняками так, будто это зло, насылаемое напрямик самим дьяволом, чтобы погубить ферму.

— Мужу родня, вот мы туда на похороны и поехали, — сказала миссис Причард. — Младенчика тоже видели.

Миссис Коуп ничего на это не ответила. Она привыкла к этим жутким историям; говорила, что они вконец истрепали ей нервы. Миссис Причард не лень было отправиться за тридцать миль ради удовольствия увидеть, как кого-то кладут в землю. Миссис Коуп всегда переводила разговор на что-нибудь положительное, но девочка заметила, что у миссис Причард настроение от этого только портится.

Девочка подумала, что пустое небо словно бы напирает на крепостную стену леса, пытается ее проломить. В кронах деревьев за ближним полем сероватая зелень соседствовала с пожелтевшей. Миссис Коуп вечно боялась пожара в своих лесных угодьях. Когда вечером поднимался сильный ветер, она обращалась к девочке: «Так ветрено, помилуй нас, Господи! Помолись, чтобы нигде не загорелось», но девочка только хмыкала из-за своей книжки или вообще не удостаивала мать ответом, потому что ничего нового. Бывало, летним вечером они сидели на веранде, девочка торопилась читать, пока еще есть немного света, а миссис Коуп говорила ей: «Встань-ка, поднимись, посмотри, какой чудесный закат. Нет, ты встань, посмотри», и девочка в ответ хмурилась и молчала — или бросала короткий взгляд через лужайку и два передних пастбища на серо-синюю древесную стражу, а затем вновь опускала глаза в книжку с тем же

выражением лица; порой бормотала из вредности: «Кажется, пожар в лесу. Ты сама бы встала, принюхалась и поглядела».

— Она в гробу его одной рукой обнимала, — продолжала миссис Причард, но ее голос заглушило тарахтение трактора, на котором приближался по дороге со стороны сарая негр Калвер. На прицепе за трактором сидел и трясся, свесив ноги с заднего края почти до земли, еще один негр. Трактор миновал закрытые ворота, что вели в левое поле.

Повернув голову, миссис Коуп увидела, что Калвер не поехал через ворота: поленился, стало быть, слезть и открыть их. Отправился длинным путем в объезд за ее счет.

— Скажите ему, пусть остановится и подойдет! — прокричала она.

Миссис Причард подалась вперед от дымохода и махнула ему, описав рукой неистовый круг, но он делал вид, что не слышит и не видит. Она подошла к краю лужайки и громко подала голос:

— Слазь, говорят же тебе! Она зовет!

Он слез и двинулся по направлению к дымоходу, при каждом шаге наклоняя голову и плечи вперед толчками, чтобы изобразить спешку. На его голову была плотно нахлобучена белая матерчатая шляпа в разводах пота разных оттенков. Из-под опущенных полей виднелись только нижние части красноватых глаз.

Миссис Коуп стояла на коленях, воткнув в землю садовый совок.

— Почему через ворота не поехал? — спросила она его и стала ждать, прикрыв глаза и растянув сомкнутые губы, как будто была готова к любому нелепому ответу.

— Лезвие косилки подымать тогда, — сказал он и уставил взгляд не на нее, а чуть левее. Ее негры были как сыть — такие же безличные губители.

Ее глаза, когда она их открыла, выглядели так, словно будут расширяться и расширяться, пока она вся не вывернется наизнанку.